

## 9 класс

### Задание 1

Выполните целостный анализ **ОДНОГО** из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

**Борис Заходер (1918 – 2000)**

### **Кошка Вьюшка**

*(ода)*

Есть много известных Кошек,  
(Не говоря о Котах!),  
Прославленных в разное время  
И в самых разных местах.  
И вот наша Вьюшка отважно  
Вступает в их избранный круг —  
Простая рыжая кошка,  
Почти без всяких заслуг...

Славными именами  
Украшен кошачий род!  
...Кот, Который Наплакал...  
...Кот Ученый... Чеширский Кот...  
...Кошка из Кошкина дома...  
(Как забыть о ее судьбе!)  
...Первая Кошка (Которая  
Бродила Сама по Себе)...

В Древнем Египте Кошки  
Числились даже в богах;  
Есть ли на свете невежда,  
Незнакомый с Котом в Сапогах?..  
...И к этим-то славным Кошкам  
(И знаменитым Котам)  
Присоединяется Вьюшка,  
Которая Спит НЕ ТАМ.

Да, Вьюшка не ищет покоя,  
Уюта и темноты —  
Того, что ищут все Кошки  
(И некоторые Коты!).  
НЕ ТАМ она спит, где надо,  
А только наоборот —  
ТАМ, где спать не подумает  
Ни Кошка, ни даже Кот.

Вы спросите: «И за это,

За это к ней слава пришла?  
Не за какой-нибудь подвиг,  
А за то, что она спала?»  
Вы скажете: «Так не бывает!»  
Вы фыркнете: «Ерунда!»  
Вы, может быть, расхохочетесь...  
А я вам отвечу: «Да!»

«Да, можете не сомневаться! —  
Я вам скажу в ответ, —  
За это и только за это  
Воспел нашу Вьюшку поэт!  
И верьте — на громкое имя  
Имеет она все права:  
Она в своем деле добилась  
Небывалого мастерства!»

Кто может спать в мясорубке  
(Если мама готовит фарш!),  
На граммофонной пластинке  
(Когда исполняется марш!),  
Под душем (когда купаются),  
На венике (если метут),  
А Вьюшка — не сомневайтесь! —  
Спит себе, тут как тут!

Нет места в нашей квартире,  
Где бы она не спала —  
От А  
(бажура)  
До Я  
(щика письменного стола).  
Вы можете перечислить  
(Если сможете!) весь алфавит,  
Ручаюсь, на каждой букве  
Эта рыжая кошка спит!

Спала на дверном засове,  
Когда прибивали засов!  
Спала на секундной стрелке  
И на маятнике часов,  
Спала на страницах журнала  
(И я с ней дремал заодно),  
И даже... спала на подушке,  
Что строжайше запрещено!

Надеюсь... Нет, я уверен:  
Теперь вы согласны со мной  
Слава досталась Выюшке  
Отнюдь не дешевой ценой!  
Недаром толпы поклонников  
Так и ходят за ней по пятам,  
И просят автограф у Кошки,  
Которая Спит НЕ ТАМ!

*Выполните целостный анализ произведения Б. Заходера. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: жанровую принадлежность, элементы комического и способы их выражения, специфику пунктуации и графики, форму обращения к читателю. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.*

**Андрей Германович Волос (р. 1955)**

#### **Калитка**

Два раза в год он выбирает сухой солнечный день – один, как правило, в первых числах мая, другой в начале октября.

Встает рано и тут же, только как следует прокашлявшись и покурив, начинает собираться.

Зайди речь о каких-нибудь полноценных сборах, дело могло бы серьезно затянуться: в тесной квартирке всегда все не на месте и за каждой мелочью приходится по-собачьи рыть по всем углам.

Начнет что-нибудь искать. Потыркается в комнате, подвинет пару стульев с наваленными на них ворохами одежды, повалит туда-сюда груды тряпья на двуспальной кровати (давно уж не используется по назначению: спанье он завел в кухне на куцей кушетке, для укрышки приспособив засаленный бушлат – в нем Маша выводила Жульку, покуда та не нажралась крысиного яда). Заглянет под диван, не потревожив молчаливую стаю мохнатых зверьков свалявшейся пыли. Пошарит в полупустом шкафу, откуда сиротски выставился рукав не доеденного молью коричневого пальто. Бросит дверцы нараспашку, раздосадованно матюкаясь, выйдет на замусоренную кухню, там оглядится. Даже в санузел заглянет – нету. В конце концов плюнет – и возьмет вместо искомого нужного то, что хоть каким боком подходит.

При жизни Маши то ли ничего похожего не было, то ли он просто не замечал. Во всяком случае, ни в каких сборах никогда не участвовал: все как-то само собой проворилось. Даже, скажем, на рынок Маша пошлет в воскресенье за картошкой, и то: он еще в подштанниках путается, а в прихожей уже сумка стоит и кошелек с деньгами под расчет с самого верху.

Но, как жены не стало, все почему-то очень быстро устроилось именно так – нечисто, бестолково и неряшливо.

В общем, собирайся он по случайному делу, убил бы полдня, а к вечеру понял, что так и не собрался. Есть у него такое в характере.

Бывало, возьмется лампу перевесить. Дело нужное, давно уж просится: на прежнем месте только в глаза лупит и никакого толку, а на новом будет как раз. Полезет в кладовку

за отвертками, шурупами, молотком, глядь – а там все завалено черт знает чем. Не то что инструмент найти – повернуться нельзя.

Начнет разбирать. Выставит в прихожку все подряд, начиная с пустых банок, кончая велосипедными колесами. Естественно, в который уж раз придет мысль соорудить полки. Ну и правда, надо наконец все привести в порядок, а иначе зачем упорядочивать, если через пять минут снова захламится. Сказано – сделано. К затее нужно примериться: доски, гвозди, прочая машинерия. Дело нехитрое, только, если уж заводится, надо бы и водопроводный стояк передвинуть ближе к стене, а то какие полки, когда от этих труб никакого житья. Взойдет к Василию тремя этажами выше – Василий сантехник, много чего дельного может посоветовать. Одна надобность другую за собой потянет, другая – третью.

В общем, возвращается Маша оттуда, куда он с ней не поехал, сославшись именно на занятость, тут ей подарок – в квартире разгром, лампа на прежнем месте, пьяный муж храпит на диване...

Но сборы, о которых речь, просты и определены, с ними он справляется легко. Расходную часть снаряжения составляют несколько кусков хлеба, соленый огурец, два вареных яйца и четвертинка «Путинки». А необходимый инвентарь, то есть ржавый секатор, огородный совок и граненый стакашек, чохом завернутые в замызанную красную тряпку, от раза до раза лежит в отведенной к тому старой сумке, исправно служившей даже еще и с поломанной молнией. Когда оторвались ручки, он, использовав обрывок ремня и метра четыре черной изоленды, починил так, будто только из магазина. Но Маша неуступчиво заявила, что ей с такой стыдно людям в глаза смотреть. Купили бордовую, и до сих пор его томит смутное сомнение, стоило ли тратиться: с обновкой Маша успела походить года четыре, не больше. А потом бордовую сумку забрала дочь – дескать, эта совсем нехоженная, а у нее самой на ладан дышит.

Собравшись, он еще минут десять толчется в прихожей, по сто раз проверяя, все ли на месте. В конце концов выходит на площадку и запирает дверь. В руке поклажа, штаны какие есть (хотя смутно припоминается, что где-то валяются другие, серые – да разве найдешь), пиджак тоже какой есть, не в цвет, и хорошо еще, если правильно застегнут. Оба кармана оттопырены – в одном сигареты, спички, ключи, очки и пенсионное удостоверение, в другом дармовая газета – зачем-то суют иногда в ящик. Живот торчит высоко – как у беременных, когда ждут мальчика. На ногах потерявшие цвет ботинки, на голове розовая бейсболка – взялась невесть откуда года два назад, когда любимая кепка куда-то, черт ее знает, делась.

А уже входя в стеклянные двери метро, вспоминает, что хотел побриться на дорогу, да только хмуро посмотрит, поймав невзначай свое мимолетно-вертлявое отражение, и недовольно потрогает седую щетину.

Автобус от «Планерной» идет раз в сорок минут. Если опоздал на предыдущий, не так уж много времени уйдет дожидаться следующего. Даже и лучше: заберешься одним из первых, сядешь у окна, разместишь сумку на коленях, переведешь дух, разглядывая теснящихся у дверей, – благодать.

Как почти на всякого человека, ровное движение оказывает на него умиротворяющее действие.

Дома скучно и тягостно. Кубатура нежилого воздуха, пыль, плесневелые бумажки в холодильнике, запах несвежих тряпок. Куда ни ткнешься, все назойливо и нудно, и маячит,

и повторяется, будто надеясь в конце концов убедить, что кроме тусклого состояния совершенной никчемности ничего на свете не бывает и быть не может.

А в дороге хорошо и можно наконец подумать.

Он смотрит в окно, но не замечает, как стеклистые обрывы многоэтажек сменяются курчавой желтизной парка, а на смену парку является пустырь и заправка у полосы отчуждения. Миновали заправку – неспешно выезжает горбыль эстакады, под которым тянутся разноцветные пирожки бесчисленных машин. А потом снова улицы и дома.

Все это он видел тысячу раз, нет никакой нужды разглядывать заново, и потому он не обратит внимания, что справа вырос дом – а в прошлый раз не было; слева корявились приземистые склады – а теперь их как корова языком слизнула – и вместо них громоздятся бордово-синие корпуса.

Вместо унылой городской сиюминутности перед его глазами мелькают, как вспышки фар за штaketником, образы его памяти.

Конечно, все это обрывки, лоскутки, из которых не выкроишь ничего даже самого заваливающего: покрутишь в руках, перебирая, да и отложишь в сторону, так и не уяснив определенно, что они значат: например, счастлив был их владелец или нет.

Да он и сам бы этого определенно не сказал. А может, и вовсе бы не понял вопроса, а в качестве ответа пустился в рассуждения насчет того, как складывалась жизнь. Что он и в армии свое отбухал, и в заводе сколько лет, и три года в профкоме, и дочь у него школу путем кончила, а то, что замуж неудачно, так от такого никто не гарантирован – оглянись вон, вообще за голову схватишься. То есть начал бы, пожалуй, буровить и умничать, и смысл заданного ему простого вопроса напрочь потерялся бы в путанице бессмысленных рассуждений.

Но сейчас, когда он едет в автобусе, невидяще скользя взглядом по очертаниям иллюзорного существования, а вспоминая то живое и полнокровное, что было его жизнью, оно, это невзначай вспоминаемое (пусть в никчемных обрывках и лоскутках), незаметно делает его счастливым: он забывает, откуда выехал и к чему приедет, не помнит, что провожало его утром и с чем придется встретиться вечером.

Он едет в автобусе, глядя в окно и не различая того, что тянется мимо. Да и черт с ним, зачем оно? Но зато увидит яркую вспышку – как будто вчера! Она потянет за собой другую, отделенную, может быть, от первой десятком лет... потом третью, четвертую...

Между высверками прошлого нет никакой связи – ни логической, ни чувственной. Их объединяет только то, что все это происходило с ним.

Почему выскакивают именно они, почему именно в такой последовательности, что несет в себе их чередование – на подобные вопросы нет и не будет ответа. Пляшут себе, вот и все: то одно мелькнет перед глазами, то другое.

Среди этих мельканий, этих вспышек памяти попадают и такие, что, если б знать, что они появятся, лучше было вовсе никуда не ехать: тогда бы они, глядишь, никогда не показались на глаза. Он их стыдится, они жалят его, мимолетно жгут и мучат, и он, сам того не замечая, негромко кряхтит всякий раз, как вдруг натывается, и шепчет что-то, невидяще глядя в стекло.

И все равно: даже самое мучительное, самое жальщее наполняет его уверенностью, что он жил когда-то, а раз когда-то жил и еще не умер, следовательно, жив и сейчас.

Автобус привозит к самым воротам, где цветочная торговля и выставка памятников. Чуть дальше можно взять лопату под залог сотенной – только запиши фамилию.

Погода хорошая – солнышко пригревает, облачка плывут по синеве, дождя ничто не предвещает, так что и спешить особо некуда.

Неся в одной руке сумку, в другой лопату, он неторопливо идет по главной аллее. Справа и слева большие участки для богатых. Тут все честь по чести: золотом по мрамору. Есть и такие, где на черных камнях внушительных монументов не выбиты ни имена, ни даты – стало быть, загодя люди себе приготавливают.

Ну и ладно, приготавливают и приготавливают, кому какая разница. Сам он не верит не только в загробную жизнь, но даже и в необходимость сколько-нибудь пышного упокоения. Однако обыденный ход вещей уготовил ему приличное место возле жены – ну а куда еще, тут и положат, когда время придет, – и, вопреки безверию и наплевательству, перспектива ему нравится.

Свернув с главной аллеи, он оказывается в основной части кладбища. Здесь как в метро: оградка к оградке, едва протиснешься. Добравшись до своего квадрата, отсчитывает шесть рядов от дальнего угла и движется между шестым и седьмым, чтобы добраться до нужной могилы. И вечно ошибается: не шесть нужно было отсчитывать, а девять. Но, немного поплутав, выходит наконец к тому, что ищет.

Понятно, что трава разбушевалась: скамейки вообще не видно, а столик и мраморный параллелепипед памятника – до середины. Плющ заглох еще в прошлом году (а не заглох бы тогда, так его сейчас бы осот забил), но под зиму сажать нет смысла – сделает весной.

– Ну здравствуй, Маша, – деловито говорит он, ставя сумку к низкой, с полколена, оградке.

Раскручивает проволоку, которой замкнута калитка, распахивает и заходит внутрь своего квадрата.

Снимает пиджак, берет в руки лопату.

Чуть не час орудует, срезая траву острием. Когда повсюду в ограде становится видна одна только вся в елочку разжужканная земля, сгребает порубленные стебли. Давно бы надо обзавестись грабелями, да все что-то никак. Выносит охапку на пересечение аллеи, где стоит бак. Бак всегда полон мусором – той же травой с других могил, старыми венками, какими-то тлелыми деревяшками. Валит сверху свое (большая часть сползает), отряхивает ладони, шагает назад.

Дело сделано.

– Ну что, Маша...

Смахивает со столика труху, шаркает по скамье ладонью.

Выкладывает на газетку припас. Хлеб с одного боку, огурцы с другого. Чистит яйцо, другое покамест сдвигает к хлебу. Дует в стакашек, смотрит на свет. Неспешно скручивает четвертинке блестящую голову, наливает.

– Ну вот, Маша, – торжественно говорит он, кивая. – Спи спокойно. На помин души, как говорится.

Выпивает и закусывает. Потом начинает говорить.

Слушатель терпелив, и он рассказывает все подряд и без спешки, не боясь наскучить. Что к чему у него самого. Как там у Верки. Как ее оглоеды ей жизни не дают: выросли балбесы и хоть ты что. Ну и всякое такое. Между делом жалуется на соседку, называя ее «твоя-то Люська».

С Люськой у него давно разлад, даром что с Машей они были не разлей вода, а он, значит, Машин муж, и все понятно. Но вскоре после похорон он как-то с пьяных глаз

сказал Люське, что Маша его предала. Так и заявил: «Всю жизнь бок о бок, а она возьми и сдохни».

Именно этого слова Люська уже сколько лет не может ему простить. А ведь он вовсе не по небрежению к Маше и не из желания что-нибудь принизить. Просто хотелось тогда как-то пободрее, что ли. Что-то определенное: мол, что ж делать, коли так вышло, живым-то жить, никуда не денешься.

Но Люська ничего этого не поняла. Он и потом пытался с ней поговорить, растолковать, что к чему, – так и слушать не хочет. Что с нее возьмешь, дура и есть дура.

Нажаловавшись, допивает остатки и соловеев. Сидит подремывая, уронив руку с погасшей сигаретой.

Когда приходит пора собираться, он вяло складывает в сумку остатки припаса, заворачивает в тряпку инвентарь и стакашек.

Еще несколько минут сидит, вздыхая, сморкаясь, позевывая и передергивая плечами, как будто о чем-то раздумывая.

– Да, – время от времени говорит он. – Вот так, значит... Да...

А потом вдруг какая-то неудержимая сила сталкивает его со скамьи. Прижавшись к памятнику лбом, он стоит на коленях, повторяя раз за разом:

– Не бросай ты меня, бога ради! Не оставляй ты меня, Машенька! Ну сама подумай, как я тут без тебя буду?..

И что он хочет этим сказать, совершенно непонятно.

Но в конце концов тяжело поднимается, вытирает глаза и нос, оглядывается, хлопает по карманам.

Вздыхает.

Закрывает калитку ограды.

И шагает прочь, машинально раздумывая о ней.

Никчемная калитка-то. Бесполезная.

Ну и впрямь, зачем она, если можно перешагнуть.

2014

*Выполните целостный анализ произведения А.Г. Волоса. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: смысл названия, характер и роль просторечной лексики, характер сопоставления прошлого и настоящего. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.*

## **Задание 2**

Для съёмок документального фильма о поэтах и поэзии Золотого века русской литературы напишите инструкцию для декоратора, содержащую подробное описание интерьера жилища лирического героя ОДНОГО из стихотворений. При составлении описания объясните ему важность использования указанных вами элементов архитектуры, мебели, предметов повседневного обихода для иллюстрации художественного мира стихотворения и внутреннего мира лирического героя, соответствующие эпохе и ситуации; обоснуйте их стилистическую соотнесенность с материальной культурой эпохи.

**А.С. Пушкин**

### **Зимнее утро**

Мороз и солнце; день чудесный!

Еще ты дремлешь, друг прелестный —  
Пора, красавица, проснись:  
Открой сомкнуты негой взоры  
Навстречу северной Авроры,  
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,  
На мутном небе мгла носилась;  
Луна, как бледное пятно,  
Сквозь тучи мрачные желтела,  
И ты печальная сидела —  
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами  
Великолепными коврами,  
Блестя на солнце, снег лежит;  
Прозрачный лес один чернеет,  
И ель сквозь иней зеленеет,  
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском  
Озарена. Веселым треском  
Трещит затопленная печь.  
Приятно думать у лежанки.  
Но знаешь: не велеть ли в санки  
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,  
Друг милый, предадимся бегу  
Нетерпеливого коня  
И навестим поля пустые,  
Леса, недавно столь густые,  
И берег, милый для меня.

1829

*Д.В. Давыдов*

### Гусар

Напрасно думаете вы,  
Чтобы гусар, питомец славы,  
Любил лишь только бой кровавый  
И был отступником любви.  
Амур не вечно пастушком  
В свирель без умолка играет:  
Он часто, скучив посошком,  
С гусарской саблею гуляет;

Он часто храбрости огонь  
Любовным пламенем питает —  
И тем милей бывает он!  
Он часто с грозным барабаном  
Мешает звук любовных слов;  
Он так и нам под доломаном<sup>1</sup>  
Вселяет зверство и любовь.  
В нас сердце не всегда желает  
Услышать стон, увидеть бой...  
Ах, часто и гусар вздыхает,  
И в кивере<sup>2</sup> его весной  
Голубка гнездышко свивает...

1822

*М.Ю. Лермонтов*

### Завещание

Наедине с тобою, брат,  
Хотел бы я побыть:  
На свете мало, говорят,  
Мне остается жить!  
Поедешь скоро ты домой:  
Смотри ж... Да что? моей судьбой,  
Сказать по правде, очень  
Никто не озабочен.  
А если спросит кто-нибудь...  
Ну, кто бы ни спросил,  
Скажи им, что навывлет в грудь  
Я пулей ранен был;  
Что умер честно за царя,  
Что плохи наши лекаря  
И что родному краю  
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль  
Застанешь ты в живых...  
Признаться, право, было б жаль  
Мне опечалить их;  
Но если кто из них и жив,  
Скажи, что я писать ленив,  
Что полк в поход послали  
И чтоб меня не ждали.

---

<sup>1</sup> Доломан — короткая (до талии) однобортная куртка с длинными рукавами со стоячим воротником и шнурами, часть гусарского мундира.

<sup>2</sup> Кивер — военный головной убор цилиндрической формы с плоским верхом и козырьком.

Соседка есть у них одна...  
Как вспомнишь, как давно  
Расстались!.. Обо мне она  
Не спросит... все равно,  
Ты Расскажи всю правду ей,  
Пустого сердца не жалея;  
Пусть она поплачет...  
Ей ничего не значит!